

Иркутская муза Илмара Лапиньша

Новый главный дирижёр Губернаторского симфонического оркестра Иркутской филармонии Илмар Лапиньш в августе вернулся в Россию после 19 лет, проведённых за границей.

То, что он приехал именно в Иркутск, считает судьбой, ведь наш город стал первым, куда он в 1971 году отправился на гастроли. Здесь у него есть друзья, отношения с которыми он поддерживает почти 40 лет. Именно сюда он привёз из Литвы жену и кошку. «Я приехал к своему последнему оркестру, – признался ЕЛЕНЕ ЛИСОВСКОЙ дирижёр, работавший в Югославии, Австрии, Италии и Македонии. – Всё, что я могу дать, дам иркутскому оркестру».

«Выбор? У меня его просто не было потому, что моя мама была певицей, – отвечает Илмар Артурович на вопрос, как выбирал свою будущую профессию. – Однако полностью реализоваться в этом качестве маме не удалось. В буржуазной Латвии она обучалась вокалу частным образом, а в советское время требовалось консерваторское образование. Поступить туда она не могла: родители были «кулаками», их выслали в Сибирь, в Томскую область. Но не стоит думать, что мама всю жизнь за это ненавидела русских. Когда я учился в Ленинграде, она часто приезжала ко мне погостить, общалась с моими друзьями. А незадолго до смерти – мамы не стало в 2000 году – сказала мне: «Если мир кто-нибудь и спасёт, то это будет русский народ, больше никому».

– Мама работала машинисткой на Латвийском радио, часто брала работу на дом. Помню, мне было три или четыре года, в 12 часов мы садились недалеко от радиоприёмника и слушали концерты оперной музыки, которые транслировали из соседней Финляндии. В этом возрасте я уже мог отличить Бениамино Джили от Энрико Карузо, знал всех певцов.

Мой отец работал преподавателем в автошколе, а до этого был вице-прокурором в Елгаве, втором городе после Риги. Когда в буржуазную Латвию вошли советские войска, отца сначала посадили, потом выпустили, предложив ему стать помощником советского прокурора, ведь он знал русский язык. Потом пришли немцы, отца опять посадили и сказали ему готовиться к расстрелу. Однако избежать этой участи ему помог его знакомый, который переехал из Латвии в Германию, когда Гитлер пригласил туда всех немцев. Этот человек освободил отца. Когда потом уже немцы предложили ему стать помощником их прокурора, он отказался и ушёл преподавать в автошколу. Папа поддерживал моё начинание стать музыкантом, но в большей степени это было заслугой моей мамы и её друзей. Они приходили к нам, чаёвничали и слушали пластинки. Мама сделала всё, чтобы я стал музыкантом.

В детстве я играл на фортепиано и на скрипке, потом на струнном альти. Когда начал играть джаз, освоил саксофон и трубу. На трубе я играл в духовом оркестре на танцах, таким образом в 9–10 классе я зарабатывал деньги.

– Почему после музыкальной школы вы решили продолжить образование в Ленинграде?

– В 18–19 веках Латвия была под немцами, всё самое светлое для латышской интеллигенции и народа было связано именно с Россией. Все латышские композиторы 20 века получили образование именно в Санкт-Петербурге. Кроме одного, который окончил Берлинскую консерваторию. Но, откровенно говоря, он не был композитором первой величины. Я очень счастлив, что учился именно в России, я получил образование, о котором можно только мечтать.

– Вы отлично говорите по-русски. Вас учили этому языку с детства?

– Нет. Когда Хрущёв издал указ, разрешающий не учить русский язык в школе в союзных республиках, я первым сказал, что не буду учить. Этого предмета нет в моём аттестате зрелости. Язык выучил уже в Ленинграде. Я очень забавно сдавал вступительные экзамены. По всем предметам, связанным с музыкой, было «отлично». Немецкий язык сдал очень легко, рассказав приёмной комиссии несколько анекдотов. А вот на истории СССР еле понимал, что у меня спрашивают. На вопрос «Законодательный орган в Советском

Союзе?» я ответил: «Конгресс». Ведь на латышском языке «съезд» это и есть «конгресс». Мне сказали: «Конгресс – это в Америке». А я ответил: «Нет, это здесь». Но всё равно поставили пятёрку. Чтобы сдать русский язык, нужно было выбрать, что писать – сочинение, изложение или диктант. Женщины, которые сидели в приёмной комиссии, поняли, что ничего, кроме диктанта, я написать не смогу. Поэтому одна мне диктовала, а другая сидела рядом со мной и показывала ошибки. На мой взгляд, такое решение руководства учебного заведения оправдано тем, что по всем остальным предметам у меня были пятёрки.

– Как вы проводили время в студенчестве?

– Раз в неделю ходил в Эрмитаж, это было для меня законом. Билет стоил 50 копеек, четыре раза в месяц сходить туда я мог себе позволить. За восемь лет учёбы – пять лет как альтист и три года как дирижёр – наизусть выучил все экспозиции. Тайком ходил на репетиции к легендарному Евгению Мравинскому, главному дирижёру Ленинградской филармонии. Он не разрешал никому из посторонних присутствовать на его репетициях, а я подкупал тётушек, которые дежурили внизу, конфетами и шоколадом и иногда сидел за колонной, смотрел и записывал, как он репетировал.

– Вы наблюдали за ним, что-то брали для себя?

– Конечно. Но сегодня тип дирижёра Мравинского уже невозможен, потому что он был диктатором. На его репетициях была полнейшая тишина, неповиновение было невозможно в принципе.

– А как вы определяете свой стиль?

– Не знаю, никогда над этим не задумывался. Думаю, что я не диктатор. Как-то раз в Томске я сказал, что диктатура пролетариата и симфонический оркестр несовместимы. После этого меня вызвал третий секретарь, хотя я не состоял в партии. Пришлось объяснять, что я имел в виду. Я сказал, что в оркестре должно быть одно начало, потом возможна демократия, но не разгул демократии.

– Вы работали во многих городах России, за границей. Это объясняется тем, что вы предпочитаете кочевой образ жизни, или есть другие причины?

– Как-то мама сказала: «Если тебе где-нибудь не нравится, не насилуй себя, уходи». Сейчас не исключаю, что не всегда это было правильным. Но если мне где-то не нравилось, всегда уходил. Исключением стал Большой театр, откуда меня «ушли». Во времена Брежнева главный дирижёр Симонов получил неограниченные полномочия. Ему было трудно пережить две вещи: что я был значительно выше его ростом и то, что после спектаклей я начал получать букеты цветов. Однажды он устроил в театре Варфоломеевскую ночь: выгнал главного режиссёра Покровского, меня, а Ирину Архипову отстранил от руководства худсоветом. Но я очень рад, что оказался хотя бы в приличной компании.

– Вам не трудно было каждый раз обосновываться на новом месте, ведь приходилось обзаводиться новым кругом общения, привыкать к новым местам?

– Я всегда ехал работать. Сначала жил в гостинице, потом как-то решался квартирный вопрос. Могу похвастаться: три квартиры, которые были даны мне в Казани, Томске и Уфе, я отдал обратно советскому государству, когда увольнялся.

– Как с друзьями?

– Все мои самые большие друзья уже найдены, но я не исключаю новых. Хотя по заказу это никогда не делается. Друзья, если они есть, то на всю жизнь. Не обязательно каждый день с ними созваниваться или видеться.

– Как вы проводите вечера?

– Недавно начал смотреть телевизор. Раньше не любил проводить так время. Очень нравится канал «Культура», смотрю футбол, болею за российскую сборную и за остальные команды, которые хорошо играют. В их числе Хорватия и Сербия, я там жил. Российское телевидение мне нравится больше, чем прибалтийское, потому что оно более содержательное и каждый может найти для себя программы по вкусу.

Долгое время ничего не читал вообще, начал снова читать два года тому назад. Мой любимый писатель всех времён – Булгаков и, наверное, Достоевский. Из поэзии – Лонгфелло, Шиллер. Драйзер когда-то очень нравился и Джек Лондон. Из сегодняшних есть пара интересных грузинских писателей. Жаль, но сейчас литература сошла на нет. Я очень хорошо знаю главного редактора журнала «Дружба народов» Александра

Луарсабовича Эбаноидзе. Он рассказал, что когда-то тираж журнала достигал 2,3 млн. экземпляров, а сейчас составляет всего 1000. В этих кругах ходит такой анекдот: главный редактор журнала «Новый мир» едет в такси, интересуется у водителя: «Что вы читаете на досуге?». Тот отвечает: «Я выписываю журнал «Новый мир». Редактор восклицает: «Ах, так это вы?!».

– В вашей биографии есть интересный момент: какое-то время вы работали в Австрии советником по делам Боснии и Герцеговины. Как так получилось?

– Очень просто. Когда ехал в Австрию, был совершенно убеждён в том, что быстро найду работу как дирижёр. Я всю жизнь, если была такая возможность, помогал своим знакомым, которые искали работу. Полагал, что со мной так же поступят. Первые полгода я не мог найти работу и был вынужден продавать посуду «Цептер», чтобы хоть как-то свести концы с концами. Потом мне предложили должность советника министра культуры Австрии: я хорошо знал немецкий и сербскохорватский языки. Это была не очень обременительная работа: не было необходимости сидеть весь день в кабинете. Когда приезжали официальные делегации, меня приглашали в качестве переводчика, потом я составлял отчёты. Хотя одно из моих предложений, сделанных на этом посту, до сих пор действует в Австрии. Я входил в состав комиссии, которая должна была придумать способ, как вернуть детей Австрии, которые начали тяготеть к «попсе», к серьёзной музыке. Я предложил, чтобы учащиеся музыкальных школ шли к своим сверстникам в обычные школы и там играли. Это работает до сих пор.

– В 90-е годы после работы в Томске и Свердловске вы уехали в Югославию. Это было принципиальное решение – покинуть Россию?

– Да. Причин было несколько. Я видел, что всё разрушается. В Свердловске на концерт пришёл третий секретарь обкома и начал храпеть. Он прохрапел весь фортепианный концерт. Я дирижировал, остановиться было нельзя, нельзя было сказать: «Перестаньте храпеть!», потому что обком. Потом был ещё один случай: Ленинградская филармония пригласила меня со свердловским оркестром на три программы. Но не нашлось денег на билеты. Спас положение директор Томской филармонии Моисей Миронович Мучник, благодаря которому мы смогли выехать. Кроме того, в Большом театре сделали меня невыездным на 10 лет, как я узнал потом. В конце 80-х годов все оркестры начали выезжать, а из-за меня мой оркестр не мог поехать за границу.

В то время мне предложили три варианта работы в Югославии и один – в камерном оркестре в Париже. Подумал: знаю сербский, югославы – всё-таки братья. Решил поехать к братьям. Как оказалось, напрасно, потому что там началась война. Долгое время я просто боялся думать о возвращении. Хотя без России мне было очень плохо, я же всю жизнь работал здесь.

– Вы вернулись в страну неделю назад. Почему именно в Иркутск?

– В жизни всё идёт по спирали. Иркутск был первым городом, куда в 1971 году я приехал на гастроли. С 1971 года до 1990-го я продирижировал здесь 39 концертов. Я вёл учёт тогда. В феврале нынешнего года мне настолько надоело всё в Клайпеде (последнее место работы), что я молил Бога: «Хочу в Россию! Ну, например, в Иркутск!». Когда я приехал сюда в мае, был приятно поражён тем, какой тут большой оркестр. Я снимаю шляпу перед предыдущим дирижёром.

– Как вам само здание филармонии?

– Хочу обратить внимание, что это здание не филармонии, а Общественного собрания Иркутска. По-хорошему в городе нужно строить новый концертный зал – с помещениями для репетиций, гримёрками на два-три человека, специальной комнатой для инструментов и залами для посетителей, где они могут отдохнуть в антракте, выпить кофе. Это здание вообще не приспособлено для концертов. Единственное, что здесь есть, – хорошая акустика.

– Вы будете прилагать усилия, чтобы в Иркутске появилось такое здание? Писать письма, проводить встречи?

– Если будет нужно, положу первый или второй кирпич. Первый, наверное, положит губернатор, а я – второй.

– Расскажите о супруге.

– Моя супруга Анна Львовна – концертмейстер группы контрабасов иркутского оркестра. Опять судьба: когда я приезжал в Иркутск в мае, мне сказали, что в оркестре нет концертмейстера, а у Анны был опыт работы в музыкальном театре в Клайпеде и в латышском оркестре.

– **Как вы познакомились?**

– В Клайпеде восемь лет назад.

– **То есть у вас не первый брак?**

– Мягко выражаясь, да.

– **А дети у вас есть?**

– У меня двое детей. И трое внуков от дочери, она живёт в Мексике. Её мама вышла замуж за мексиканца, увезла туда дочь и, как только ей исполнилось 18 лет, выдала её замуж. Сыну 20 лет, он учится в университете в Вене.

– **Ваша супруга безропотно поехала за вами в Иркутск?**

– Ропотно. Она не хотела. Но, может, лучше она сама вам об этом расскажет.

Илмар Артурович пригласил свою жену Анну Львовну – приятную молодую шатенку с волнистыми волосами и красивой улыбкой. «Чем ваш супруг вас очаровал?» – первым делом поинтересовалась я. Услышав вопрос, дирижёр симфонического оркестра сказал: «Я, пожалуй, пойду», – и тактично удалился.

– Интеллектом, безмерной добротой и своими дирижёрскими данными. Стоит ему только поднять руки – и все музыканты как будто на кончиках его пальцев. К любому музыканту он может найти подход и сделать так, чтобы он раскрылся.

– **Супруг признался, что вы не очень охотно ехали в Иркутск.**

– Да, так и было. Всё-таки Европа есть Европа. Кроме того, было очень много дел и связей, которые пришлось порвать, поломать, закрыть и так далее. У меня там остался ребёнок, поэтому мне было тяжело.

– **Довольны условиями в Иркутске?**

– Всё хорошо, всем довольны. Коллектив интересный, думаю, что дальше будет ещё интереснее.

– **Илмар Артурович, – обратилась я к вернувшемуся к нам дирижёру, – Иркутск для вас – место временной работы или что-то большее?**

– Я приехал сюда к своему последнему оркестру. Всё, что я могу дать, я хочу дать Иркутску. Оркестр филармонии с тем потенциалом, который у него есть, может стать достоянием не только города, но и страны.

В Иркутске у меня есть свои места и люди. На Байкале я был 12 раз и каждый раз уносил с собой что-то невероятное. На своих первых гастролях здесь в 1971 году познакомился с кларнетистом Рафиком Варшавским и скрипачом Александром Беляевым, которого, к сожалению, уже нет в живых. Ещё могу отметить своих старых знакомых – литавриста от Бога Гену Третьякова, сегодняшнего юбиляра гобиста Костю Бабушкина, многих других иркутских музыкантов... Наша дружба прошла через все эти годы. С Иркутском у меня сложились особые отношения. Мне здесь комфортно, самое интересное, что и моей жене здесь комфортно. И даже наша кошка, которую мы привезли из Клайпеды, стала здесь более спокойной.

Автор: Артур Скальский © "Конкурент" приложение к ВСП КУЛЬТУРА, ИРКУТСК 👁 4739 02.09.2009, 09:24
👍 386

URL: <https://babr24.com/?ADE=80646> Bytes: 14684 / 14530 Версия для печати

 [Порекомендовать текст](#)

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)

- [Джем](#)

- [ВКонтакте](#)

- [Одноклассники](#)

Связаться с редакцией Бабра в Иркутской области:
irkbabr24@gmail.com

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: [@babr24_link_bot](https://t.me/babr24_link_bot)
Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь

Телеграм: [@bur24_link_bot](https://t.me/bur24_link_bot)
эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова

Телеграм: [@irk24_link_bot](https://t.me/irk24_link_bot)
эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская

Телеграм: [@kras24_link_bot](https://t.me/kras24_link_bot)
эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская

Телеграм: [@nsk24_link_bot](https://t.me/nsk24_link_bot)
эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин

Телеграм: [@tomsk24_link_bot](https://t.me/tomsk24_link_bot)
эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"

Телеграм: [@babrobot_bot](https://t.me/babrobot_bot)
эл.почта: equatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)

